

УДК [08(091)+7.045+726.04](045)

ПОПОВА Людмила Дмитриевна, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий, двух учебных пособий

СЕМИОТИКА САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ОШЕВЕНСКОЙ МИРОКОЛИЦЫ*

В статье рассматривается семиотика сакрального пространства Ошевенской мироколицы, сформировавшейся в процессе славяно-русского освоения чудских земель Заволочья. Православная семиосфера культурного ландшафта Ошевенской округи включала в себя монастырь, приходской храмовый комплекс и часовни. В сакральном ансамбле всей территории отразилась динамически-иерархическая традиция устройства православного пространства. Монастырь, с которого и началось освоение православного пространства, являлся центром духовной жизни Ошевенского края. Став значимым сакральным локусом и архитектурно отмеченным местом, хорошо видимым из окружающих деревень, Александро-Ошевенский монастырь простирает свой духовный тонус на всю округу – отечество Александра Ошевенского. Периферию же образовывали крестьянские селения, идущие вдоль правого берега реки Чурьеги: село Ошевенская слобода, деревни Ширяха, Фёдорово, Михеево, Подгорье, Низ, Гарь, Малые Кривцы и Большие Кривцы. И вдоль левого – Кукуй, Обрезково (Обресково), Скребино. За мостом на притоке Чурьеге расположены деревни Большой Халуй и Малый Халуй, существовавшие здесь, согласно Олонецкому патерику, еще в XVI веке. В расположении указанных деревень также видна изначальная целостность, и во взаимодействии жилой архитектуры с ландшафтным пространством и излуцины реки Чурьеге существует своя логика и система взаимосвязи. Доминантой – мостом между округой и монастырем – является приходской храм Ошевенского погоста. Важную роль в жизни северного мира играли и часовенные приходы, связанные с почитанием святынь в своем внутреннем, родном пространстве. Сакрально-архитектурное пространство Ошевенска было органично вписано в окружающий природный ландшафт, наделенный высоким духовно-аксиологическим статусом.

Ключевые слова: *Ошевенск, Ошевенская мироколица, Александр Ошевенский, Александро-Ошевенский монастырь, сакральное пространство, церковное зодчество, шатровый храм.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Архангельской области (проект № 14-06-98809р_север_а «Комплексное исследование культурной географии и этнокультурных ландшафтов прибрежных территорий Русского Севера»).

© Попова Л.Д., 2014

Даная статья продолжает цикл публикаций, посвященных исследованию сакральной географии и семиотики культурного ландшафта Ошевенской мироколицы, в структуре которой центральную роль занимал монастырь [6, с. 28; 7, с. 46–54].

Монастырь, по меткому замечанию Д.С. Лихачёва, – это не только официальная церковность. «Монастырь – это и его рядовые монахи из крестьян, это его трудники – тоже крестьяне, это и его паломники, приезжавшие сюда со своими жизненными невзгодами, это и <...> ремесленники и мастера. Это кипучее и пестрое сообщество людей <...> вносящее в жизнь Русского Севера движение и развитие» [5, с. 41]. Таким монастырем на Каргополье был Александро-Ошевенский монастырь, основанный в 1452 году (по другим сведениям – 1455, 1465) иноком Кирилло-Белозерского монастыря Александром (в миру Алексей) и ставший одним из известнейших и почитаемых на Русском Севере.

Православное освоение пространства началось с монастыря, выражалось в самом монастыре и со стороны местного населения – в почитании монастырских святынь: храмовых икон, раки с мощами основателя монастыря и др.

На холмистом берегу реки Чурьеги – «горе», в лесном урочище около роши, где был родник, считавшийся священным, возник Александро-Ошевенский монастырь. Обитель, как и многие русские монастыри, призвана была выражать идею субстанционального размежевания земного и небесного, поэтому монастыри ставились в красивой и безлюдной местности. Согласно преданию, на том месте, где Александр услышал голос Бога, повелевшего сотворить «себе пребывание», в нетронутой природе, знаменующей собой порядок и благообразие, гармонирующее с подвижнической жизнью отшельника, решившего посвятить себя Богу, и был воздвигнут монастырь. Сначала инок построил «на сем месте уединенную келью, и в ней поставил две иконы, данные ему игуменом Кириллова Белозерского монастыря, одну Богородицы Одигитрии, а другую Николая Чудотворца» [9, с. 378]. Затем с благословения

архиепископа Новгородского Ионы Александр строит деревянную церковь, которая освящается во имя Успения Божией Матери, вводит строгий общежительный устав, подобный тому, что существовал в Белозерском монастыре.

Надо полагать, что деревянная Ошевенская церковь была построена по аналогии с первой деревянной церковью, возведенной в Белозерском монастыре при преподобном Кирилле, уроженце Москвы, и, по мнению Г. Федотова, говорила о связи с Москвой (Успенский собор в Кремле). Напомним, что Богоматерь воспринималась в качестве защитницы Древней Руси от половцев. Кроме Успенской церкви Киево-Печерской лавры (1073–1078), Успенские храмы в XII веке были сооружены в Галиче, во Владимире, в Смоленске, позднее – в Московском Кремле. Это обусловило особое почитание на Руси праздников, посвященных Богородице. На Русском Севере Богоматерь с XV века считалась покровительницей Курострова, многих монастырей, в частности Каргопольского Успенского, возникшего в 1649 году на месте пустыни Ивана Волосатого, Холмогорского Успенского. Церковная история и археология Ошевенска отображают процесс освоения каргопольских селений Новгородом, затем Москвой.

Некоторые исследователи отмечают, что первой в монастыре была построена Никольская церковь, которая тоже была деревянной. Возможно, это и так, но иконографические материалы XVI–XVII веков (мы опираемся на материалы об иконах, приведенные в книге Г.В. Алфёровой) показывают, что центром монастыря был Успенский собор, стоящий на высоком подклете, использовавшемся в хозяйственных нуждах, – крестообразный в плане, срубленный от самой земли, покрытый высокой шатровой кровлей. Высотность храма подчеркнута ступенчатым подъемом пристроенных с востока, севера, юга и запада прирубов, ритмично крытых криволинейными тройными кровлями, называемыми бочками.

Крестообразные в плане храмы издавна известны в Западной Европе. Это католические базилики с поперечной галереей (трансептом),

символизировавшей искупительную крестную смерть Христа. Монастырский шатровый храм с приделами также имеет конфигурацию равноконечного креста. Так западноевропейская форма была адаптирована северной архитектурой, но трансформирована в русской культуре народным вариантом православия. Крест («кресс» – солнцеворот) – символ солнца, славянский солярный знак – проецируется на главный символ христианства. И это положение имеет непреходящее значение, устойчиво сохраняющееся в церковном зодчестве вплоть до наших дней [8, с. 128].

Соотношение небесной высоты и земной укорененности определяло сакральную эстетику восьмигранного храма, особо любимого и почитаемого на Русском Севере. Завершался сруб так называемым «повалом» – постепенным наклонным расширением венцов кверху, отводящим воду от нижних бревен. Южный, северный и западный прирубы храма объединялись высокой галереей, через окна которой внутрь храма проникал солнечный свет и которая добавляла художественной выразительности композиции. На галерею вели две высокие лестницы с севера и юга и высокое западное крыльцо с наружными лестницами и рундуком, т. е. с верхней площадкой, отмечаемое в писцовых книгах Московского государства XVI века и Домострое [3, с. 106]. Крыльцо это, по замечанию Гунна, как народная песня, вписанная в древний церковный сборник. Сравнение это правомерно постольку, поскольку просторное крыльцо у церкви, «дома божьего», служило целям мирской жизни: «здесь было пестро и людно в дни больших праздников, здесь сходились сельчане, чинно раскланивались седобородые старики, обсуждали сельские дела и события, степенно шествовали отцы семейств с женами, лебединой походкой проплывали девушки в ярких сарафанах и кокошниках, шитых жемчугом, перешептывались, глядя на них, парни, резвилась детвора, сидя на ступеньках, тянули свои песни калики перехожие» [2, с. 64]. Действительно, крыльцо предстает здесь «красным», т. е. нарядным, как и у сельского

дома, и знаменует стабильность народного микрокосма.

Символика восьмерика, восьмигранника, означающего «осьмой век – жизнь вечную в Царстве Небесном», была близка народной памяти. Возможно, число «8» ассоциировалось с восьмиконечной звездой Перуна (по некоторым источникам – Рода). Становясь одним из символов Богородицы, например Оранты, число «8» также восходит к древнейшему славянскому наследию – богиням-роженицам – и затем создает конструктивный образ храма. Соединение любимых чисел «8» и «4» определяет не менее распространенную на Русском Севере форму храма «восьмерик на четверике» – архитектурную конструкцию, также лежащую в основе церквей и колоколен. Такими на иконе XVII века выглядят Никольская церковь и колокольня. Шатры всех сооружений покрыты тесовым гонтом. Следует отметить, что указанные архитектурные формы и позже получили развитие в Поонежье (Пияла). Весь же монастырский комплекс, возведенный среди сельского ландшафта и господствовавший над Ошевенской округой, выглядит земным подобием «града божьего».

Известно, что по имени первопоселенца Никифора Ошеври, отца преподобного, пришедшего сюда в XV веке из Белозерского Важеозерья вместе со своей семьей на р. Чурьегу, селение получило название Ошевнево. Также известно, что родители попросили сына Александра осмотреть место для будущего монастыря и, когда он согласился основать обитель, отец взял на себя хлопоты по устройству монастыря. Так по имени Александра (17.03.1427–20.04.1475, по другим сведениям – 1479) монастырь был назван Александро-Ошевенским, а селение и монастырь через имя и родственные узы связались религиозно-обрядовой практикой и организационным пространством, существующим в синтезации понятия единого «дома».

С левого монастырского берега р. Чурьегу проглядывалась вся деревня – отечество Александра Ошевенского, – осененная христианским крестом. С приближением к алтарю

и главному собору монастыря нарастала сакральная значимость крестьянского селения, главными фасадами ориентированного на реку. Это историческая тяга к воде, надолго закрепившаяся в народной культуре и сохранившаяся в Ошевенске, характерна для Севера. Монастырский ансамбль хорошо был виден со стороны каргопольской дороги, от деревни Погост, из-за реки, из окружающих деревень.

Крестьянские селения, погост, монастырь – все взаимосвязано и всему отведено особое место. Избы, поставленные на высокие подклеты, увенчанные деревянными дымниками, были приметны из монастыря. Вызову шатровых Успенского и Никольского храмов и колокольни монастыря отвечали шатровые же вертикали приходского Богоявленского храма и колокольни Ошевенского погоста, расположившегося на открытом участке, видного также издали. От него стали разрастаться группы деревень, идущих вдоль правого берега р. Чурьеги – Ширяиха, Фёдорово, Михеево, Подгорье, Низ, Гарь, Малые Кривцы и Большие Кривцы – и вдоль левого – Кукуй, Обрезково (Обресково), Скребино. За мостом на притоке Чурьеги – р. Халуе – расположены две деревни: Большой Халуи и Малый Халуи. Все вместе они воспринимаются как органическое целое благодаря применению общего строительного модуля.

В расселении указанных деревень видна четкая пространственная организация. В композиционном отношении все они объединены излучиной р. Чурьеги. Деревни Ширяиха, Фёдорово, Михеево, Подгорье, Низ в XVIII веке, как и в XIX, связаны, кроме того, дорогой, идущей от Ошевенской слободы на Кеноозеро, в деревни Гарь, Малые и Большие Кривцы и в Ошевенский монастырь. Естественный рельеф с группой живописных деревень придает особое своеобразие пространственно-видовой системе, в которой четко выделяется сакральный приходской центр – Ошевенский погост, видимый за многие километры, включившийся в систему зрительных и умозрительных связей, которые реализуются в общей идее единства христианской церкви и представлении о зна-

чимости данного храма, ставшего следующим важным шагом в создании православного пространства, вокруг которого строилось селение.

Церковь Богоявления Господня построена в 1786 году (с 1849 года указывается 1787 год) прихожанами, но она не была первой. Согласно переписной книге 1649 года, здесь уже стоял храм, который сгорел в 1717 году и был построен вновь с церковью Иоанна Богослова, имевшей трапезную. Нынешняя церковь сохранила традиционный тип – рубленный с самой земли восьмерик, несущий высокий шатер. Она включила в себя престолы прежних церквей: в настоящей холодной, кроме Богоявления Господня, имеется престол Иоанна Богослова, а в теплом приделе – во имя священномученика Власия. Рядом с церковью стоит деревянная шатровая колокольня, также сопряженная с первыми деревянными колокольнями, возведенными на Русском Севере по традиционному типу – восьмерик на четверике [7, с. 48–49].

Около приходского храма издавна стояли церковные дома священников, лавки со сторожкой, окруженные церковной оградой с небольшими башнями по углам и главными входными воротами, над которыми ставились иконы в качестве обязательного элемента, как в монастыре.

Таким образом, приходской храм является и связующей нитью с монастырем, и его символической манифестацией в геокультурном пространстве. Одно поколение сменяло другое, а приходской храм и монастырь связывали на многие века важные события жизни человека и локального сообщества.

Свой каменный облик монастырский Успенский собор приобрел в 1707 году (в 1706-м все деревянные строения монастыря сгорели) – пятиглавый, белокаменный, двухэтажный: вверху – Успенская церковь с приделами Сергия Радонежского и святых Флора и Лавра, внизу – Сретенская церковь с приделами преподобного Александра Ошевенского, «где и мощи его почивают под спудом», и преподобного Кирилла Белозерского [9, с. 378]. С запада к собору в 1774 году пристраивается каменная же колокольня, главный ярус которой связан арочным проемом

со вторым этажом собора. Храм вполне типичен для каргопольской храмовой архитектуры того времени: имеет колокольню с запада и трехчастную алтарную апсиду с востока; наличники окон напоминают декор окон каргопольской Благовещенской церкви. В 1709 году построили деревянную Никольскую церковь с трапезной – теперь она стала пятиглавой. В 1834 году была построена новая каменная надвратная Никольская церковь. Очевидно, в это время и деревянную ограду заменили каменной. В 1900 году возвели деревянную Покровскую церковь. Замечательной особенностью Ошевенского монастыря, по мнению Г.В. Алфёровой, было соединение деревянных и каменных частей здания: собор имел деревянное крыльцо и деревянные главы в сочетании с каменными [1, с. 178–179]. Заметим, что теперь из многонаселенного Ошевенского села хорошо просматривается белокаменный монастырь.

Во внутреннее приходское пространство Ошевенской округи входили часовни, связанные с почитанием святых в своем внутреннем, родном пространстве, ставшие локальными центрами деревень. С 1838 по 1862 год здесь их было шесть: 1) во имя Божией Матери «Всех скорбящих Радость» – у Вáлдовы, в полуверсте от деревни Ширяихи, в одной версте от церкви; богослужение в ней совершалось один раз в год – «в первый воскресный по Вознесении день»; 2) в честь святого великомученика Георгия в деревне Низу; богослужение в ней совершалось также один раз в год – 23 апреля; 3) в честь святого Или Пророка в деревне Малый Халуй; церковная служба проводилась 20 июля; 4) в честь Воздвижения Животворящего креста Господня в деревне Большой Халуй; богослужение проводилось 14 сентября (в современной литературе она ошибочно отмечена как часовня Иоанна Богослова, это нашло отражение в подписи к фото, сделанному И.Я. Билибиным в 1903 году; в этой часовне было расписное «небо» с изображением сюжетов из Ветхого Завета, которые, по мнению Т.М. Кольцовой, созданы в XIX веке в народной манере [4, с. 71, 86–89]); 5) Покрова Богородицы

в деревне Гарь; богослужение проводилось дважды в год – 1 октября (в Покров) и в День Сошествия Святого Духа; 6) в честь Модеста, патриарха Иерусалимского, в деревне Петрово; богослужение проводилось дважды в год – 7 и 18 декабря.

В 1862 году в Малых Кривцах была возведена Петропавловская часовня, в которой богослужение проводилось 29 июня, а в 1863 году в Больших Кривцах построили Вознесенскую часовню, в ней богослужение проводилось дважды в год – в день Вознесения Господня и на Успение Божией Матери.

В 1894 году на месте часовни приходским «миром» построили однопрестольную церковь Скорбящей Божией Матери с колокольней над папертью. Внутри и снаружи ее обшили тесом и выкрасили белилами. Так в Ошевенском приходе появилась первая приписная церковь.

Часовня, определявшая сакральный статус места и местности, являлась ритуальным центром «своего», «внутреннего», «родного» пространства часовенных прихожан. В каждой из них – своя религиозно-обрядовая практика, связанная с праздниками, которым они посвящены. В церковной ведомости уточнено, что все часовни построены прихожанами, но не указано, когда. Все часовни XIX века, названные в честь праздников, культивируемых в «давние лета», говорят о формировании круга особо почитаемых святых как всего Каргопольского уезда, так и Ошевенска. Крестьян всегда окружали «заступники» и «небесные покровители»: пророк Илия мог напоить землю дождем, Георгий, Власий и Модест – охранить скотину, поскольку они считались покровителями скота. Важным праздником был Покров. «Покров, Покров, покрой нашу избу теплом, а хозяина животом», – говорили в Каргопольском уезде. Аграрным смыслом наполнялся и праздник Вознесение, понимаемый совершенно конкретно – как «рост», «подъем», «вхождение», с таким толкованием связаны и обряды Вознесенского дня.

Естественно, что в Ошевенске почитали местного подвижника – святого Александра Ошевенского, покровителя Каргополя, ставшего одним

из известнейших на Русском Севере. Его часто изображали на иконах XVI–XVIII веков вместе с основанной им обителью, в XIX веке на иконах поморского письма – как собственно святого. 20 апреля празднуется его память около святой роши и камня, ассоциировавшегося в народном сознании со следом святого.

Главными праздниками являлись храмовые – Богоявления Господня и Иоанна Богослова. На Иоанна Богослова пахали пашню под пшеницу и пекли обетные пироги на угощение странников и нищих. Иоанн Богослов почитался и как наставник живописного, иконного дела, которое развивалось в Ошевенском монастыре. Так великий миротворный круг православных праздников определял ритм и смысл жизни крестьянского (христианского) мира.

По мнению Г.В. Алфёровой, часовни были однотипными, похожими на часовню, сохранившуюся в д. Низ. Они являли собой небольшие клетские сооружения, из кровли которых вытягивались два стройных восьмерика, увенчанных шатрами: над западным восьмериком располагалась колоколенка. Их характерная повторяющаяся закономерность завершений маркировала территории конкретных деревень,

а в конечном итоге создавала особенность пространственного расположения в составе православного наследия.

Так складывалось православное пространство Ошевенска, живописно связанное с окружающим рельефом местности, отображавшее процесс освоения каргопольской округи Новгородом, затем Москвой. В сакральном ансамбле всей территории отразилась динамически-иерархическая традиция построения и развития во времени и пространстве культовых сооружений и их компонентов. Монастырь, приходской храм, часовни поэтапно создавали великолепное православное пространство, складывавшееся постепенно и естественно. Монастырь являлся центром духовной жизни Ошевенского края, вокруг него образовались мирские крестьянские селения, сложившиеся в один приход, затем появились православные часовни. Сакральный и профанный аспекты как бы проникают друг в друга и определяют аксиологию природно-культурного наследия. И ныне важно внимательно отнестись к этой иерархической логике, содержащейся в построении всего Ошевенского ансамбля.

Список литературы

1. Алфёрова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1973.
2. Гунн Г.П. Каргополье – Онега. М., 1974.
3. Домострой по списку Императорского Общества истории и древностей российских // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете: в 4 кн. / предисл. И.Е. Забелина. М., 1881. Кн. 2.
4. Кольцова Т.М. Росписи «неба» в деревянных храмах русского севера. Архангельск, 1993.
5. Лихачёв Д.С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / под общ. ред. Д.С. Лихачёва. М., 1980.
6. Попова Л.Д. Александро-Ошевенский монастырь // Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Культура Архангельского Севера. Архангельск, 2012. С. 28.
7. Попова Л.Д. Ошевенский приход – сакральный центр Каргополья // Формирование рекреационной территории Каргополья: моногр. / сост. Ю.П. Окунев и др. Архангельск, 2012.
8. Попова Л.Д. Сакрально-строительный модуль в деревянном зодчестве Русского Севера // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2010. № 2. С. 126–130.
9. Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 2000.

References

1. Alferova G.V. *Kargopol' i Kargopol'e* [Kargopol and Kargopol Region]. Moscow, 1973.
2. Gunn G.P. *Kargopol'e – Onega* [Kargopol Region – Onega]. Moscow, 1974.
3. Domostroy po spisku Imp. Ob-va istorii i drevnostey rossiyskikh [Domostroy on the List of the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. *Chteniya v Imp. Ob-ve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete: v 4 kn.* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities Under Moscow University: In 4 Books]. Moscow, 1881. Book 2.
4. Kol'tsova T.M. *Rospisi "neba" v derevyannykh khramakh russkogo severa* [Paintings on the Ceilings of Wooden Churches in the Russian North]. Arkhangelsk, 1993.
5. Likhachev D.S. *Solovki v istorii russkoy kul'tury* [Solovetsky Islands in the History of Russian Culture]. *Arkhitekturno-khudozhestvennye pamyatniki Solovetskikh ostrovov* [Architectural and Art Monuments of the Solovetsky Islands]. Moscow, 1980.
6. Popova L.D. *Aleksandro-Oshevskiy monastyr'* [Monastery of St Alexander Oshevsky]. *Pomorskaya entsiklopediya: v 5 t. T. IV. Kul'tura Arkhangel'skogo Severa* [Pomor Encyclopaedia: In 5 Vols. Vol. 4. Culture of the Arkhangelsk North]. Arkhangelsk, 2012, p. 28.
7. Popova L.D. *Oshevskiy prikhod – sakral'nyy tsentr Kargopol'ya* [Oshevsky Parish: the Sacred Center of Kargopol Region]. *Formirovanie rekreatsionnoy territorii Kargopol'ya* [Establishment of Recreational Area in the Kargopol Region]. Arkhangelsk, 2012.
8. Popova L.D. *Sakral'no-stroitel'nyy modul' v derevyannom zodchestve Russkogo Severa* [Sacral Constructional Module in Wooden Architecture of the Russian North]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2010, no. 2, pp. 126–130.
9. Ratshin A. *Polnoe sobranie istoricheskikh svedeniy o vseh byvshikh v drevnosti i nyne sushchestvuyushchikh monastyryakh i primechatel'nykh tserkvakh v Rossii* [A Complete Collection of Historical Data on All Monasteries and Notable Churches of the Past and Present in Russia]. Moscow, 2000.

Popova Lyudmila Dmitrievna

Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

SEMIOTICS OF THE SACRED SPACE OF OSHEVENSK SURROUNDINGS

The paper deals with the semiotics of the sacred space of Oshevsk surroundings (mirokolitsa) which was formed when Russian slavs were settling on the lands of the Chud people in Zavolochye. The orthodox semiosphere of the cultural landscape of Oshevsk surroundings included a monastery, a parish church complex and several chapels. The sacred ensemble of the entire territory permeated with the dynamic hierarchical tradition of orthodox space formation. The monastery, with which the orthodox space started developing, was the center of spiritual life of the Oshevsk area. The monastery complex with St. Nicholas and Assumption Churches could be perfectly seen from the surrounding villages, while from the left bank of the Churyega River one could observe the entire area – the homeland of St. Alexander Oshevsky. The periphery consisted of peasant villages along the right bank of the Churyega River: Oshevskaya Sloboda, Shiryaikha, Fedorovo, Mikheevo, Podgorye, Niz, Gar, Malye Krivtsy, and Bolshie Krivtsy; as well as along the left bank of the Churyega River: Kukui, Obrezkovo (Obreskovo), and Skrebino. Beyond the bridge, along its tributary – the Khaluya River – there are Bolshoi Khalui and Maly Khalui; according to the Olonetsk Patericon,

these two villages existed already in the sixteenth century. In the arrangement of these villages, we can observe a clear spatial organization. In terms of composition they are united by the Churyega River bend. The natural relief with a number of picturesque villages makes this space system unique with its sacred center – Oshevensk pogost – that could be seen miles away. A significant part in the life of the North played chapels associated with local objects of worship. The sacred architectural space of the Oshevensk area was in harmony with the surrounding natural landscape endowed with a high spiritual and axiological status.

Keywords: *Oshevensk, Oshevensk surroundings, Alexander Oshevensky, Monastery of St. Alexander Oshevensky, sacred space, church architecture, steepled church.*

Контактная информация:
адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ленинградский, д. 61;
e-mail: popova.ld@yandex.ru

Рецензент – *Теребихин Н.М.*, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук, директор Центра сравнительного религиоведения и семиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова